Нина ИНЯКИНА

«ТОЛЬКО И ОСТАНЕТСЯ ТВОЙ ГОЛОС…»

Михаил Небогатов – памяти ушедших собратьев по перу

Михаил Небогатов (05.10.1921 – 21.03.1990) известен не только своими лирическими стихами о родном крае и его природе, о любви к женщине, но и откликами на творчество собратьев по перу. Читатели могут при желании найти немало очерков, критических статей, рецензий, предисловий к книгам, стихотворных посвящений, незлых пародий, написанных на многих известных его современников. Одна отличительная интонация сразу бросается в глаза: обо всех он писал тепло, сердечно, по-дружески. Чувствуется в этих текстах не только доброта написавшего их человека, но и уважение и любовь к тем, кому эти строки адресованы.

Ему, человеку, прошедшему войну, израненному, но сумевшему вернуться к жизни, не раз доводилось не только радоваться успехам друзей-товарищей по журналистскому (начинал с газеты «Кузбасс») и писательскому цеху, видеть их профессиональный рост и крепнущее мастерство, но и провожать иных из них – ровесников, а то и моложе себя – в последний путь. И тут часто горькая участь – сказать последнее «прости» – доставалась опять же ему, «старейшему поэту Кузбасса», как назвал его однажды первый наш кузбасский книгоиздатель Анатолий Иванович Кыков. Писал Небогатов не только стихотворные строки «памяти», но и некрологи от имени писательского сообщества.

Вот о них, этих посвящениях памяти ушедших, хочется рассказать. Предлагаем вашему вниманию, дорогие читатели, некоторые записи и стихи Михаила Небогатова.

Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш:
Актёры, музыканты и поэты –
Целители усталых наших душ.

Игорь Тальков. Памяти Виктора Цоя

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ
(21.06.1910 – 12.12.1971)

Александр Трифонович Твардовский – человек, который занимал особое место в сердце Небогатова. О нём Михаил Александрович говорил так: «Мой любимый современный поэт – Александр Твардовский. Считаю его своим учителем». Известный факт – переписка двух поэтов, а после смерти наставника – с его вдовой, Марией Илларионовной. Переписка не закончилась для Небогатова встречей или публикацией стихов в журнале «Новый мир», редактором которого был Твардовский. А встреча, между тем, могла быть реальной. В стихотворении, посвящённом памяти Твардовского, рассказывается, как два молодых сибирских поэта (вместе с Небогатовым был ещё Алексей Косарь. – *Н. И.*) встречались с другом Твардовского, Петром Ивановичем Замойским:

Как-то раз простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Пётр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.
Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой, – в ней было, – Саша!
Посмотри стихи ребят.
Оба парня – из Сибири.
Мне понравились они…
Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».
…Голова ходила кругом.
Но недолог юный пыл –
Для кого-то он был другом,
А для нас великим был.
Серебрились солнца блики…
Мы раздумались в пути –
И к тому, кто был великим,
Не осмелились пойти…

Слева направо: Александр Волошин, Михаил Небогатов, Алексей Косарь. На совещании молодых литераторов в Москве, апрель 1950 года

Михаил Небогатов всю жизнь вёл дневники. **22 декабря 1971 года** он записал: *«Печальная новость: 18 декабря умер Твардовский. Даже не верится, всего ему 61 год был.*

Слухи о причинах болезни разные… смерть причину найдёт. Не стало первого поэта России. Очень большая потеря. До слёз жалко. Под официальным некрологом, кроме писателей и деятелей культуры, подписалось всё правительство. Но некролог холодновато-казённый. Это особенно бросается в глаза, если сравнить с тем, что писали недавно об Ал. Прокофьеве: народный поэт, его стихи знают миллионы читателей и пр. А какое сравнение – Твардовский и Прокофьев. Твардовский со своим одним Тёркиным будет жить всегда, а прокофьевская Ладога – радуга, прямо скажем (в рифму), ненадолго.

Всё-таки сказалась самостоятельность Александра Трифоновича как редактора «Нового мира», сколько ругали и третировали его из-за этой самостоятельной позиции в журнале. Даже Героя Социалистического Труда не дали. Только накануне кончины присвоили звание лауреата Государственной премии…».

После смерти «поэта номер один», как его называл Небогатов, он написал статью «Уроки Твардовского», которая была опубликована сначала в 1974 году в газете «Комсомолец Кузбасса», а в 1976-м – в альманахе «Огни Кузбасса». В статье Небогатов поместил несколько писем от Александра Трифоновича. «Уроки Твардовского» Мария Илларионовна одобрила. И в дневнике автора незамедлительно появилась запись **(1975 год, 19 марта)**: *«Пришло письмо от Марии Илларионовны. Отзыв её об «Уроках Твардовского» хороший: «Я довольна тем, как Вы справились со своей задачей: письма прокомментированы строго, дельно, без украшательства и самовыпячивания, но с чувством собственного достоинства. Так и должно. Стихи тоже симпатичны. Словом, подборка в «Комсомольце Кузбасса» удалась».*

В книгу писем Твардовского под названием «Письма о литературе», вышедшую в свет в 1985 году, Мария Илларионовна Твардовская включила четыре письма мужа к Небогатову. Небогатовская запись от **19 февраля 1986 года**: *«…пока немного полистал эти «Письма о литературе», может, ошибаюсь, но, кажется, я один из тех адресатов Ал. Тр-ча, которому больше, чем ко мне, писем не было (четыре!)».*

УРОКИ ТВАРДОВСКОГО

Трудно вспомнить случай, когда бы чей-то путь в литературу был с самого начала, с первых шагов, что называется, устлан розами. Такой путь может грезиться только в мечтах, а на практике совсем другое: прежде чем добиться успеха на литературном поприще, сколько же надо преодолеть препятствий, сколько провести бессонных, тревожных ночей в обессиливающих душу сомнениях, разочарованиях… И как важно в подобные дни, недели, месяцы, а то и годы общение с человеком, которого ты ценишь, любишь как большого художника слова и чьё мнение тебе дороже всего.

Любовь к поэзии Твардовского родилась во мне ещё в довоенное время, когда я был школьником – задолго до появления на свет «Василия Тёркина», произведения, которое сегодня мы с полным основанием можем назвать бессмертным. Помню, с каким наслаждением упивался я неповторимым ароматом сельской лирики ещё молодого тогда смоленского поэта, который сразу и на всю жизнь вошёл в мою душу, сроднился с нею так, как будто всё, что было в его стихах, пережил и перечувствовал я сам.

В связи с этим вспоминается такой, можно сказать, казусный случай. Где-то в середине сороковых годов послал я Александру Трифоновичу стихотворение, о котором мой кумир отозвался примерно так (первое это письмо ко мне, к великому сожалению, не сохранилось): *«стихотворение – незаурядное, но уж слишком напоминает «Поездку в Загорье» известного вам автора…»* Этот ответ вызвал у меня недоумение: какого известного мне автора, чья это «Поездка в Загорье»? Обратился к одному из старших товарищей по «литсреде», которые проводились тогда в редакции газеты «Кузбасс», и этот очень начитанный и знающий товарищ объяснил мне: «Поездка в Загорье» – известное стихотворение Твардовского». Я же, к стыду своему, до той поры в глаза не видел этой вещи… Поистине неисповедимы пути господни – не зная оригинала, написать как бы копию его.

С полной откровенностью признаюсь: когда начал я писать стихи (это было уже после войны), то даже и не подозревал, что многое в них звучит «под Твардовского». Об этом сказали мне читатели, рецензенты, а позднее – и сам Александр Трифонович. У меня хранится несколько писем от него, и может быть, читателям будет небезынтересно узнать, какие отзывы, замечания, советы содержатся в этих письмах. Многое в них, как мне кажется, будет поучительно для начинающих.

В 1955 году я после долгих колебаний решился отправить А. Твардовскому восторженный отклик на только что опубликованные его стихи, подкрепив свой душевный порыв собственным стихотворением, в котором были такие строчки:

Творцы картин, симфоний, книг ли –
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним привыкли,
Что мало ценим их подчас.
Заслуги близких не в новинку,
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел Глинку,
Встречался с Пушкиным, с Толстым!

Вот так, грустя над «Тихим Доном»
Иль шуткам Тёркина смеясь,
Не раз со вздохом затаённым
Потомок скажет и про нас:
Мол, были некогда счастливцы,
Кому был другом до конца
И житель Вёшенской станицы,
И автор «Книги про бойца»...

Я тоже мог посчитать себя счастливцем, получив вскоре ответ:

М. 30.9.55 г.

Дорогой тов. Небогатов!

Спасибо за добрые и, не сомневаюсь, искренние слова вашего письма относительно стихов в «Огоньке». Приведённые в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, вы сделали по доброте, молодости и... сгоряча.

С вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать.

Ваш А. Твардовский

Как показало время, не просто «по доброте, молодости и... сгоряча» ещё тогда, два добрых десятка лет назад, мой любимый поэт был «произведён» мною в ранг великих – таковым его и называют сейчас, посмертно, уже без всяких кавычек. Да и при жизни Твардовского многие считали его классиком. У Константина Ваншенкина, например, есть стихотворение «В Красной Пахре» – о посещении им тяжелобольного, уже умирающего поэта, где прямо сказано:

Какой тяжёлый год,
Безжалостное лето,
Коль близится уход
Великого поэта...

В работе литератора всё очень сложно, вплоть до самых, казалось бы, незначительных мелочей. Чего, вроде бы, проще: отобрать из написанного тобою что-то, на твой взгляд, наиболее удачное и послать в редакцию или какому-нибудь конкретному лицу на отзыв. Однако и такой «пустяк» – не совсем простое дело: сплошь и рядом молодые литераторы допускают ошибки, отбирают совершенно не то, что следовало бы. Да только ли молодые! Бывает, что и опытный литератор – поэт ли, прозаик ли – после выступления перед какой-то аудиторией, придя домой, досадует на себя: нет, не то прочитал, надо было что-нибудь другое, более подходящее...

Говорю это, имея в виду и собственные промашки. Посылая в следующий раз Твардовскому новые стихи, я при отборе их рассудил так: «Ему больше должны прийтись по душе те, в которых он почувствует что-то родственное со своей манерой и с манерой поэтического письма его земляка и старшего друга – Михаила Исаковского». Из полученного ответа нетрудно было сделать вывод: как бы ни любил какого-то большого поэта, а подражать ему не следует, ибо всякое подражание – это не что иное, как бег на месте. Ответ был кратким, но заставил призадуматься:

3 мая 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Все три стихотворения вполне, как говорится, профессиональные, их можно печатать, и то, что я их не оставляю для «Нового мира», не должно вас смущать. Хотелось бы, чтобы слишком послушное следование известным образцам (М. Исаковский и др.), некоторая сдержанность, вернее робость, покидали вас более заметно.

Смелее, смелее – к самому себе, к тому, чего до вас не было.

Желаю на этом пути успехов.

А. Твардовский

Замечания и требования эти были абсолютно справедливыми. Начались новые поиски. Шли они главным образом в направлении содержания. Ясно было одно: надо сделать что-то такое, чего не было ни у кого другого даже в намёке, о чём ещё не писал ни один поэт. За что же взяться? Да, конечно же, за то, что пережито, перечувствованно. То есть основой новых вещей должны стать самые твои сокровенные мысли и чувства... Одно время мне довелось работать в газете, в книжном издательстве, в радиокомитете. Было решено: напишу поэму о журналистах, никто о них как будто ещё не рассказывал – ни в стихах, ни в прозе, во всяком случае, мне не встречалось. Сюжет поэмы был взят из жизни, не придуман, казалось, что всё будет в порядке. Работалось легко, с вдохновением, потому что тема была моей родной стихией. Но – увы: на этот раз подвела форма. А какова была эта форма, читатель поймёт по ответу Твардовского:

19 августа 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Использование такой исключительно индивидуальной, с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, – дело безнадёжное. Это хорошо понимал уже М. Ю. Лермонтов, не случайно взявший в своё время эту строфу лишь для «Казначейши» – произведения особого ряда.

В дальнейшем все попытки использования этой формы «всерьёз», естественно, не имели успеха.

В наши дни эта форма своей обманчивой лёгкостью привлекает лишь наивных людей. Жаль, что и вы

поддались этому соблазну. Как бы вы ни исхитрялись, всё равно ваша поэма звучит пародийно, и тем самым «серьёзное» её содержание погашается.

Советую вам воздержаться от опубликования её в печати, даже если будет такая возможность.

Не огорчайтесь, бывает.

А. Твардовский

Вот таким неожиданным образом может обернуться иной «эксперимент»! Кого-нибудь другого, менее требовательного и взыскательного, онегинская строфа могла и не смутить, а Твардовский – мастер высокого класса, тонкий ценитель поэтического искусства – не допускал ни малейшей снисходительности в таком святом для него деле, как художественная литература вообще и поэзия в частности. Он весьма деликатно, но со всей присущей ему прямотой высказал своё глубокое суждение, в подтексте которого можно уловить как бы напоминание: нельзя, мол, ни на минуту забывать, что, создавая что-либо, ты тем самым претендуешь на вход в тот священный храм, который гордо зовётся русской литературой, и этот храм воздвигнут не кем-нибудь, а самим Пушкиным.

«Советую вам...» Было бы непростительным легкомыслием, если бы автор поэмы, написанной онегинской неповторимой строфой, пренебрёг этим, в сущности, добрым советом. Само собой разумеется, что эта поэма была навсегда похоронена в личных архивах: слово Твардовского было для меня законом...

А теперь о самом ценном для меня письме Александра Трифоновича – отзыве на целую книжку «Моим землякам»:

М. 28 июля 58 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Книжку вашу давно получил, но просмотреть всё не мог выбрать времени – после назначения меня главным редактором «Н. М.» (журнала «Новый мир») моя личная почта вообще весьма запущена, т. к. время уходит на неотложные дела, на чтение того, что идёт «в номер».

Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного – вроде ваших «пародий» или стихов явно «ко дню». Возможно, что мы дадим в «Н. М.» рецензию на неё. Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: м. б., я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны. Присылайте, если есть что-нибудь новое для «Н. М.».

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

Все, кто хорошо знакомы с творчеством Твардовского, с воспоминаниями о нём, знают, как скуп он был на похвалы. И его откровенные, тёплые слова «...очень симпатичное впечатление» до сих пор согревают сердце, вдохновляют на новые творческие поиски. Что касается «лишнего, пустякового и малоинтересного», то это замечание первоклассного мастера я запомнил на всю жизнь – впредь наука.

Некоторые из писем к вашему земляку опубликованы в книге «А. Твардовский. О литературе», вышедшей в свет в 1973 году в Москве (Библиотека «О времени и о себе»). Впервые в разделе «За редакторским столом» публикуется значительная часть эпистолярного наследия А. Т. Твардовского. Все материалы книги знакомят читателей с раздумьями Твардовского о традициях в творческом опыте советской литературы. И тот факт, что в эту книгу (в числе других) включены письма к автору этой статьи, наглядно подтверждает сказанное вначале: даже самые краткие замечания о тех или иных стихах, принадлежащие великому поэту, представляют определённый общественный интерес, имеют неоспоримую ценность для всех, кто любит литературу и кто сам работает в ней.

Кстати говоря, лишь теперь, после обнародования рубрики «За редакторским столом», по прошествии многих лет я узнал об одной характерной детали: о наивной и – увы – напрасной надежде напечататься в «Новом мире» тех авторов, которые ещё при жизни Твардовского считали себя его учениками. Вот выдержка из его письма к *«М. П. К-ну»*: *«...в «Новом мире» весьма трудно появиться тому, что бывает отмечено признаком «под Твардовского»... Но, как бы там ни было, уверен, что для многих авторов, которым пришлось общаться с Александром Трифоновичем хотя бы посредством переписки, его уроки не прошли даром».*

Огни Кузбасса. 1976. № 4

АЛЕКСАНДР НИКИТИЧ ВОЛОШИН
(31.08.1912 – 28.05.1978)

С Александром Волошиным Михаила Небогатова связывала большая дружба – и творческая, и человеческая. Несмотря на приличную разницу в возрасте они были единодушны во взглядах на литературу и литературный труд. Небогатов дорожил одной надписью – автографом на подаренной Волошиным книге: «Поэту чистейших кровей». Радовался, что в первую пятёрку – ровно столько, сколько нужно было для организации Кемеровского областного отделения Союза писателей – вошёл и его старший друг, писатель, лауреат Сталинской (Государственной) премии Александр Волошин. Уважал и ценил Александра Никитича и за писательский талант, и за то, что тот так стремительно – уже первой своей книгой «Земля Кузнецкая» – во весь голос заявил о себе, и за то, что этот высокий, богатырского сложения человек всегда был открыт и радушен, располагал к себе. Нравилось Небогатову и

то, что в беседе Александр Никитич любил блеснуть познаниями, широтой своей типично русской натуры.

Приятно Небогатову было «соседство» в одной с Александром Никитичем литературоведческой статье Виктора Блюменфельда «Заметки о языке и стиле». **6 января 1960 года**: *«Есть в этой книжке* («Огни Кузбасса», № 12 за 1959 год. – *Н. И.*) *статья Блюменфельда о языке и стиле, в которой ведётся разговор о двух кузбасских авторах – о Волошине и обо мне. Статья вполне объективная, дельная. Многие наблюдения автора поучительны».*

Как обычно, неожиданно пришло известие о кончине старшего друга,

1978 год,
29 мая, понедельник,
9 ч. утра.

Вчера вечером, когда я был уже в постели, позвонил Мазаев, сообщил печальную весть: умер Саша Волошин.... Мазаев подробностей смерти не знает. Знает лишь, что умер он дома, сидя в кресле...

30 мая, вторник
11 ч. утра

В сегодняшнем номере «Кузбасса», на третьей странице в левом углу, – некролог с портретом Саши Волошина, подписанный рядом партийных и советских работников, начиная с Горшкова (первого секретаря обкома КПСС. – *Прим. ред.*). *Из числа писателей некролог подписали: Мазаев, Баянов, Небогатов, Ворошилов, Емельянов.*

Всё сказанное о Саше – по большому счёту, например: «Страстное, неразрывно связанное с жизнью тружеников Кузбасса творчество А. Н. Волошина явилось весомым вкладом в советскую литературу».

Лично я всегда смотрел на Сашу как на большого писателя. Он был писателем по-настоящему... – и по эрудиции, и по принципиальности, и по всему внутреннему и даже внешнему облику.

И понятно поэтому, что не мог поэт не откликнуться на это печальное событие стихами.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВОЛОШИНА

Неспроста мы тебя полюбили,
Верен ты не чужим парусам –
Сам понюхал угольной пыли
И понюхал пороху сам.
С молотком отбойным в забое
Ты немало пота пролил
И сапёром на поле боя
Не жалел ты крови и сил.
Обдавало тебя метаном,
Обжигало под свист свинца,
Прежде чем ты своим романом
Покорил людские сердца.
Он живёт и в стране советской,
И в далёких иных краях –
Твой роман о Земле Кузнецкой,
О шахтёрах, твоих друзьях.
Не страшна им породы глыба,
Ты им новые силы дашь...
И за это тебе
Спасибо,
Наш Никитич, Добрыня наш!

Из книги «Земля моя добрая», Кемерово, 1984

И ещё одно стихотворение:

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВОЛОШИНА

Помню я признанье друга Саши,
Хоть он был не так ещё и стар:
– В возрасте таком, в летах, как наши,
Каждый день – подарок, божий дар.

Жизнь прожить стараемся недаром,
До вечерних зорь с трудом дружить.
Но, бывает, этим божьим даром
Начинаем поздно дорожить.

13 января 1981 г.

Примечательный факт: Небогатов не только сам написал о своём друге и собрате, но и очень одобрительно отнёсся к написанному в память об Александре Волошине стихотворению «У памятного дома», автором которого был другой поэт – Иван Полунин. Тут приходят на память строки Небогатова о том, что «всякая бывает зависть»:

Да, всякая бывает зависть...
Должно быть, как несчастен тот,
Кто, на добро чужое зарясь,
Вздыхает ночи напролёт...
К чинам, машинам и сервантам
Я равнодушен с давних дней,
Но с доброй завистью к талантам –
Не утаю, знаком я с ней.
...В успех недаром верить смею:
До той поры он мне родня,
Пока завидовать умею
Тем, кто талантливей меня.

И эту небольшую заметку Небогатова я приведу целиком:

У ПАМЯТНОГО ДОМА

Вначале у меня было намерение поговорить о стихах первого номера альманаха «Огни Кузбасса» за этот год, но когда я прочитал открывающее номер стихотворение Ивана Полунина «У памятного дома», то

решил написать только об этом примечательном в своём роде стихотворении. Вот оно:

Жил здесь писатель Александр Волошин...
И свет в окне призывней маяка
Манил к нему друзей издалека,
Нередко забинтованных порошей.
Был рад Никитич другу горняку,
Внимателен к зелёному собрату.
Он так умел оттачивать строку,
Как некогда – сапёрную лопату.
Его душа, как будто степь, могла
Всех разместить
И раззадорить встречу.
А много ль было выдано тепла
Ему взаимно? Вряд ли я отвечу.
Он предо мною глыбою вставал –
Немногословный, мудрый и весомый.
А перед ним... последний перевал
Был траурною кистью нарисован.
И над потоком майского тепла,
Над городским задумчивым кварталом
Пронзительная музыка текла
И – вдруг... сменилась
Громом небывалым!
Как будто небо выразить протест
За эту смерть тебе, земля, хотело!
Гроза промчалась.
И затих оркестр.
Но как душа, душа осиротела!
И дом – не тот...
Знать, каждой нервной клеткой
Я к старшему собрату прикипел!
Я с ним делился бедами нередко,
А счастьем поделиться
Не успел.

Чем примечательно, чем заслуживает внимания это стихотворение? Прежде всего тем, что Иван Полунин, наверно, единственный из нас, кузбасских литераторов, кто посвятил памяти Александра Волошина очень прочувствованное, взволнованное поэтическое слово, в самом названии которого – «У памятного дома» – полное отсутствие какой-либо условности, неопределённости, всё здесь конкретно и точно.

Александр Никитич Волошин был отличный писатель и прекрасный человек. В 1949 году за роман «Земля Кузнецкая» – самое первое и самое лучшее в советской литературе произведение о людях нашего края – писатель был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Этот «шахтёрский» роман многократно издавался и у нас в стране, и за рубежом – в переводе на добрый десяток иностранных языков.

Памятный дом. Да, кого только не повидал за многие десятки лет этот дом в центре Кемерова, на углу Советского проспекта и Весенней улицы, где жил человек с большой русской душой, всегда широко распахнутой для любого доброго гостя, всегда готовой разделить с ним и радость, и беду. К искусному мастеру художественного слова, к участнику Великой Отечественной войны, бывшему сапёру, жадно тянулись люди самых различных возрастов и профессий, в особенности молодые прозаики и поэты, потому что знали: Никитич (так ласково звали они его) не оставит без внимания самые первые пробы пера, обязательно подскажет что-то ценное, необходимое в нелёгком литературном труде. Доброжелательность Никитича распространялась буквально на всех: иного начинающего писать он привечал за то, что тот горячо, самозабвенно любит литературу, поэзию, пробует, как он любил выражаться, спеть свою песню.

«А много ль было выдано тепла ему взаимно? Вряд ли я отвечу». Ответить всё же можно, и ничуть не преувеличивая: любой, кто общался с Никитичем, не жалел для него своего душевного тепла, больше того – любил его как старшего брата, как отца.

«А перед ним... последний перевал...». Никто, конечно, не мог предвидеть этого последнего перевала на пути пусть не так уж молодого, но ещё крепкого, здорового на вид сибирского богатыря – умер он в одночасье, скоропостижно. Эта смерть потрясла, казалось, не только всех, кто знал его, но и саму природу: она небывалым громом майской грозы протестовала против ухода из жизни того, кто так страстно любил и воспевал её.

Мне хорошо известны многие стихотворения Ивана Полунина, и удачные, и малоудачные, а это – «У памятного дома» – на мой взгляд, одно из самых лучших из того, что пока написано молодым поэтом. Сила этих поэтических строк – в гармоничном сочетании жизненной и художественной правды. Не знаю, как другие мои собратья по перу, а лично я подписался бы под этим удивительно искренним, сердечным стихотворением».

Комсомолец Кузбасса. 1980. 11 декабря

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ БУРАВЛЁВ
(21.09.1921 – 04.09.1974)

О дружбе и непростых отношениях двух поэтов-фронтовиков лучше всего расскажет сам Михаил Небогатов. Он написал однажды свои воспоминания, которые вошли в книгу: «Буравлёв Е. С. Биография начиналась так... Стихи. Поэмы. Воспоминания о поэте» (Кемеровское книжное издательство, 1985).

МОЙ ДРУГ, СОБРАТ, РОВЕСНИК
Воспоминания о поэте Евгении Буравлёве

Это было осенью 1955 года, когда я работал в Кемеровском книжном издательстве редактором отдела художественной литературы.

Как-то утром, едва я засел за чтение рукописи толстенного романа под названием «Шкуркин» (фамилии автора не помню), дверь кабинета приоткрылась, и в неё заглянул главный редактор издательства П. П. Ивкин:

– Миша, зайди ко мне.

Я рад был оторваться от скучнейшего, многословного романа и тотчас же отправился вслед за Ивкиным.

Перед столом главного редактора я увидел человека примерно моих лет. С первого взгляда бросилось в глаза его крупное, загорелое и обветренное, строгой скульптурной лепки лицо, какие рисуют на плакатах, когда хотят изобразить волевого, мужественного солдата или рабочего. Черты лица были резки, даже суровы и как-то не вязались с большими карими глазами, смотревшими мягко и доброжелательно. Запомнилась поза незнакомца: он сидел чуть сгорбясь, зажав сложенные ладонями руки между колен.

Пётр Павлович представил нас друг другу.

– Вот новый наш автор, Евгений Буравлёв. Приехал из Междуреченска. Привёз первый сборник. Я посмотрел несколько страниц, стихи, по-моему, хорошие. Но это больше по твоей части. Почитаешь, выскажешь своё мнение, и тогда вместе всё решим.

Он протянул мне рукопись, у которой было уже и название: «Кладоискатели».

Так я впервые познакомился с Евгением Сергеевичем Буравлёвым. Это я сейчас говорю: Евгений Сергеевич, а тогда, сразу же, мы, не сговариваясь, стали обращаться друг к другу на «ты», попросту.

Мне, как и главному редактору, достаточно было полистать рукопись минут пятнадцать, чтобы сделать вывод: стихи наш новый автор привёз настоящие, зрелые, видно было, что человек пишет всерьёз, со знанием всех «секретов» поэзии. Я об этом прямо сказал ему, на что он скромно ответил:

– Не всё тут уж так хорошо, есть кое-что, в чём я сомневаюсь. Надо бы посидеть нам с тобой вдвоём, посмотреть ещё раз внимательно.

Мимоходом замечу, что к тому времени у меня было уже две изданных книжки: «Солнечные дни» (**1952 г.**) и «На берегах Томи» (**1953 г.**). То обстоятельство, что редактор, как говорил Маяковский, «рифмы строгал», и вызвало, видимо, доверительное желание Буравлёва сообща поработать ещё над рукописью. Я, конечно, охотно согласился.

Автор романа «Шкуркин» торопил с ответом, надо было скорее дочитывать этот «кирпич», чтобы написать обстоятельную рецензию, поэтому я предложил Жене:

– Если не возражаешь, давай будем работать над твоим сборником вечерами у меня дома, а?

– Какое может быть возражение. Давай.

Так и сделали. После работы, захватив с собой папку с «Кладоискателями», отправились ко мне домой. Вечером, когда жена и дети улеглись спать, мы с Женей, чтобы не мешать им, устроились на кухне и приступили к работе. Кто любит литературу, в частности, поэзию, тот поймёт, с каким увлечением и придирчивостью прочитывали мы вслух стихотворение за стихотворением, проверяя, как говорится, на слух, вкус и цвет каждую строчку, каждое слово. Если что-то в рукописи не очень нравилось мне, осторожно, не ущемляя самолюбия автора, я говорил ему об этом. Он задумывался, сосредоточенно хмурясь. Часто соглашался.

– Да, пожалуй, ты прав. Надо это переделать.

И мы вместе искали новый, улучшенный вариант того или иного четверостишия, той или иной строчки. А иногда он не соглашался:

– Нет, Миша, ты не понял, что я хотел сказать. Давай оставим как есть.

– Смотри. Я не настаиваю.

Было и по-другому: мне стихотворение казалось вполне приличным, а Женя забраковывал его:

– Это надо отложить в сторону. Не удалось. Совсем не то получилось, как замышлял. Ещё покорплю над ним или вообще выброшу.

Три ночи хватило нам, чтобы привести сборник, как сказал потом Женя, в божеский вид.

Пётр Павлович Ивкин с полным доверием отнёсся к нашей совместной работе над «Кладоискателями», и с автором был заключён договор. Женя уехал в свой Междуреченск не только с договором, но и с авансом, что для поэта, живущего литературным трудом, тоже немаловажно…

Авторский актив у издательства в то время был небольшой, издавать по существу было некого, так что «Кладоискатели» для нас были поистине кладом, и вышли они в свет в рекордно короткий срок – уже в 1956 году. Критика отнеслась к первой книжке Евгения Буравлёва очень положительно, он сразу же прочно вошёл в литературу Кузбасса.

За всю жизнь Буравлёв издал более десятка книг стихов и прозы. Вершиной его творчества я считаю (да и сам он был такого же мнения) поэму «Красная горка». У меня сохранились его письма периода работы над этой поэмой. Они, эти письма, всего полнее раскрывают нам Евгения Буравлёва и как поэта, и как человека.

27 октября 1958 г.

…Два слова о житье-бытье: третью главу «Красной горки» никак не могу нащупать, в этом деле у меня пока закавыка. А за другое не могу браться – уж больно хочется добить поэму.

Когда был у вас, отдал I главу на радио и в «Кузбасс». Радисты прислали за 320 строк 680 рублей (старыми деньгами. – ***М. Н.****), а «Кузбасс» хоть и горячо обещал, но, по всей вероятности, затёр меня. Вот видишь, как нашему брату трудно раздобыть кусок*

хлеба. Хорошо, что ещё «Молодая гвардия» в сентябре тиснула два стишка, а то бы совсем плохи дела...

Хочется сделать здесь пояснение насчёт «куска хлеба». Слова Маяковского: «Поэзия – баба капризная» – не пустой звук. Она не терпит непостоянства, требует, чтобы пишущий отдавал ей всего себя. Именно так – изо дня в день – и работал Женя над поэмой. Он считал, что только постоянный, систематический труд может принести успех. И очень, очень материально нуждался. Но идти каким-то иным путём, писать так, между делом, – значит ничего путного не добиться...

11 ноября 1958 г.

...Помнишь, я тебе читал вторую главу? Вот сейчас я её закончил и концовку хочу послать тебе. Что-то мне кажется недоделанным в портрете Лапшина. Может быть, ты на свежую голову подскажешь мне. Правда, я думаю, что он ещё раскроется у меня в действии в 3, 4, 5-й главах, но всё-таки твоё мнение для меня будет дорого. Ну и по мелочам посмотри тоже, если будет охота...

«Кузбасс» мне рукопись первой главы вернул с заключением Дёмина: «Или будем печатать всю поэму, или давайте главу так, чтобы нам не быть в долгу перед читателем». Сокращать и переделывать то, что ещё не закончено, согласись, я не могу. Поэтому сделка у нас пока что не состоялась. Буду держаться до последнего сухаря...

Забегая вперёд, скажу, что слово своё тогдашний редактор газеты «Кузбасс» Ф. Е. Дёмин (Фёдор Ефимович Дёмин – редактор газеты «Кузбасс» с мая 1951 по октябрь 1959 года. – *Н. И.*) сдержал – когда поэма была закончена, она целиком была напечатана на страницах газеты.

20 декабря 1958 г.

...С твоими замечаниями по кусочку о Лапшине я согласен полностью, не принимаю только столь высоких похвал.

...Это очень мучительный процесс – переделывать, но, как я убедился, эпическую вещь никогда не сделаешь добротно, не переделав её несколько раз. Думаешь об одном, а в ходе работы вторгается совсем другое, уводит иногда в сторону, иногда принимает совсем неожиданный поворот, и тогда многое из написанного прежде или не имеет никакой цены, или не является органическим составным последующего. Надо иметь железный характер, чтобы вести повествование в предначертанном мысленно русле. И огромное мастерство. А этого у нас, к сожалению, не густо.

И вообще, чем дальше к концу, тем труднее движется моя «Красная горка». Ужасное многословье, десятки второстепенных деталей, отступлений. Всё это уводит в сторону, и нет никакой силы остановить эту стихию. Кажется, ты безнадёжно бьёшься со стоглавой гидрой, которая всё-таки тебя проглотит. Нервничаешь, злишься, всё это ужасно мешает, но ничего с собой не можешь поделать. А самого главного, ради чего затеяна поэма, ещё не сказал! И это тогда, когда, замышляя поэму не больше как строк в 800–1000, написал уже больше тысячи. Ужас какой-то. Чувствую, что хлебну я с ней горя. Оставить её всеобъятной в две тысячи строк – не возьмёт ни один журнал, ни одна редакция. Резать – ты сам знаешь, как это мучительно. Вот, раздираемый такими мрачными противоречиями, и продолжаю в поте лица работать. Так что можешь представить себе и моё настроение, и моё состояние. Но как бы то ни было, а взялся за гуж – не говори, что не дюж. Буду писать, как ложится, от души, а потом уж, после публичного суда, думать, что с ней делать.

*Впрочем, ты ведь всё это прекрасно знаешь и без моих откровений. И что за титанический труд – наша работа, и каких порою усилий над собою она стоит. Хорошо кто-то сказал недавно в «Литературке»: талант рождает писателя, но книгу делает его труд. И дёрнул меня чёрт взяться за эту поэмищу, когда мне, смертному, вот как нужна сейчас книжка. Ведь засядь я за стихи, приведи в порядок все заготовки в Южсибе – она давно бы уж была у Кыкова (в издательстве – **М. Н.**). А сейчас проходят все сроки, ресурсы, а конца ещё не вижу...*

Я не случайно процитировал такой большой отрывок из письма, в нём – и творческая лаборатория поэта, и своего рода пособие для нынешних молодых стихотворцев, которые занимаются литературной учёбой. И ещё одно интересное размышление из этого же письма:

...Мне кажется, что за одну-две посредственных книги, появившихся у пишущего после той, хорошей, ради которой он был принят в Союз, надо этого человека развенчивать и исключать из Союза, запретив ему печататься до тех пор, пока он не создаст книги, по мастерству и мысли не уступающей лучшим произведениям, а то и превышающей их. Вот тогда бы не было обидно (видимо, пропущено какое-то слово, может быть «много». – *Н. И.*) *случайных имён, не было бы того болезненного ажиотажа вокруг редакций журналов и издательств...*

На первый взгляд жёсткие, даже жестокие меры! А в принципе очень справедливые. Справедливые для любого настоящего служителя искусства, а не для тех, кто, как любил выражаться Буравлёв, ошивается около литературы...

Большой неожиданностью было для всех нас, знавших Буравлёва как человека, казалось бы, несокрушимого здоровья, то, что он как-то сразу, вдруг, тяжело заболел. Ему сделали сложную операцию, но через год снова положили в больницу.

Однажды мне позвонил Виктор Баянов:

– Съездим навестим Женю?! Говорят, он совсем плох...

Мы вошли в больничную палату. Женя был в глубоком забытьи. Дышал тяжело, в груди громко хрипело. Будить его не решались, молча стояли у койки, ждали – может, сам откроет глаза. И вот он поднял тяжёлые веки, слабо улыбнулся:

– А-а, ребята пришли...

И снова как бы задремал. Мы не знали, что сказать – все слова казались ненужными. Понимал ли он сам, Женя, что умирает, неизвестно. А со стороны видно было: «И колебалась, трепетала жизнь на отметке нулевой...».

Мы ещё минут пятнадцать постояли около. Сказать на прощанье что-то всё же надо было.

– Крепись, Женя, поправляйся...

Он через силу, тусклым голосом отозвался:

– Будем стараться...

Эти последние его слова на всю жизнь запомнились мне. Через три дня моего друга, собрата, ровесника не стало...

Стихотворение М. Небогатова из его архива.

ПАМЯТИ ЖЕНИ БУРАВЛЁВА

Что смертельно болен он – мы знали.
Может, знал об этом он и сам.
Чувство нашей горечи, печали
Замечал, наверно, по глазам.

Всё же верил: отведут кончину.
«Хлопочи, сестричка, хлопочи!»
Но болезнь была неизлечима –
Это знали сёстры и врачи.

Лишь затем, чтоб не страдал от боли,
Но как будто всё-таки леча,
Ежедневно шприцами кололи –
То была святая ложь врача.

Ты прости им, Женя, ложь святую.
Заодно с тобой не зная сна,
Видел бы ты нянечку иную,
Как тихонько плакала она...

Неизбежность мы не отвратили.
Всё равно случилось это вдруг.
– Женя умер, – утром позвонили.
Трубка чуть не выпала из рук...

Продолжает жизнь своё движенье.
И стихами, стопкой добрых книг
Ты сумел, наш незабвенный Женя,
Отобрать у вечности свой миг!

6 сентября 1974 г.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ КИСЕЛЁВ

(03.03.1933 – 19.11.1981)

С Игорем Киселёвым у Михаила Небогатова было много точек соприкосновения: оба поэты-лирики, оба в разные периоды жизни трудились литературными сотрудниками областных газет «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», оба работали в Кемеровском книжном издательстве. У Небогатова есть несколько похвальных рецензий-откликов на книги младшего собрата по перу. «Я стою за тебя, доброта!» – о новой, только что вышедшей книге «Ярославна» (Комсомолец Кузбасса. 1968. 17 сент.) и «Неотложная служба души»: о книге стихов «Человек приходит к человеку» (Комсомолец Кузбасса. 1975. 14 окт.). Их можно прочитать на электронной литературной карте областной научной библиотеки, на именных страницах Небогатова и Киселёва. Материал называется «Я в души к вам стучусь!» – это подготовленная мною (Н. Инякиной) брошюра о двух поэтах.

Возьмём оттуда лишь дневниковые записи.

1981 г., 14 ноября, суббота, 7 ч. вечера

*Только что звонила Тамара Страхова (поэтесса. – **Прим. ред.**) – сообщила печальную весть: Игорь Киселёв в реанимации, в шоковом состоянии, отказали обе почки. Тамара говорит, что будет великим чудом, если он выживет...*

28 ноября, суббота, 12 ч. 30 м. дня

Чуда не случилось – врачам не удалось спасти Игоря... 19 ноября в 5 часов утра он умер.

От первого узнал я об этом – от Анатолия Николаевича Срывцева. Он позвонил мне часов в девять:

– Приходите в Союз писателей.

– А что?

– Как что? Игорь умер.

Вскоре все, кто мог прийти, были в Союзе. Сразу же коллективно (Гена Юров, Срывцев, Цейтлин, я) начали писать некролог. Чигарёва засела за телефон – дел предстояло много.

...Юров, Махалов, Матвеев, Зубарев, Донбай – все начали действовать.

Обком помог достать деньги (в частности, из совпрофа, областного совета профсоюзов), разрешил определить место для могилы на «старом» кладбище (сейчас всех хоронят на «новом»).

Я пришёл на обед, наскоро перекусил и где-то за полчаса написал стихотворение «Светлой памяти Игоря Киселёва» (шестнадцать строк). Всем оно понравилось, сперва вывесили его перепечатанным на машинке, а в день похорон оно висело переписанным от руки печатными буквами вместе с портретом, некрологом в «Кузбассе» и стихотворением Игоря, начинающимся строкой: «Уйду...».

Написал стихотворение и Саша Ибрагимов...

...Тяжёлые были эти три дня. Давно ли, перед самым отъездом Игоря в Мариинск, который ускорил его

кончину (он выпил там спирту), мы договаривались с ним встретиться, посидеть над рукописью моего сборника «Земля моя добрая», посмотреть новые мои миниатюры, которых Игорь ещё не видел. Нет, жизнь человеческая – такая ненадёжная штука, что нельзя ничего загадывать даже на день, на два. Думал ли сам Игорь, что не доживёт даже до полвека – ему было всего 48 лет. Не так задолго до этого он написал прекрасное (печальное) стихотворение, посвящённое памяти Вл. Высоцкого, который умер и того моложе – 42 лет.

*Обе газеты (как и радио) отнеслись к Ире (вдове. – **Прим. ред.**) участливо: дали по большой подборке стихов Игоря, так что отметить (скромно) девять дней (это было вчера) она, наверно, смогла».*

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ИГОРЯ КИСЕЛЁВА

Мы знали тебя как отличного друга,
Как нежного лирика с чуткой душой...
Внезапно ушёл ты из нашего круга,
Не можем смириться с потерей большой.

Не можем смириться, что нет тебя с нами,
Что губы сомкнула молчанья печать,
Что сердце погасло, как жаркое пламя,
Что звонкий твой голос не будет звучать.

Как мог бы звенеть ещё голос твой чистый,
Всё больше с годами он силою креп...
Нет, горько ложится на снег серебристый
Ноябрьского вечера траурный креп.

И, кажется: плачем, рыданьем звенит он,
Сияющий снег...
Но заря впереди,
И том твоей жизни ещё не прочитан:
Он с нами, как сердце живое в груди.

19 ноября 1981 г.

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ САУЛОВ
(24.03.1942 – 21.05.1968)

Молодой поэт из Яшкино Анатолий Саулов привлёк к себе внимание Михаила Небогатова с начала своего творческого пути. До самой его неожиданной кончины М. Небогатов следил за всеми новинками, выходившими из-под пера талантливого собрата. Однажды произошёл такой случай (дневниковая запись от **11 декабря 1967 года**):

*Игнатьев (Владимир Вениаминович, композитор. – **Прим. ред.**) решил навестить меня по неожиданной причине: услышал в субботу в радиоальманахе «Земля Кузнецкая», посвящённое мне стихотворение Анат. Саулова, и оно встревожило его своим, как он выразился, «погребальным» мотивом. Дескать, не случилось ли что с Михаилом Александровичем?*

Сам я передачу эту не слушал и, естественно, заинтересовался: что это «отпевает» меня Толя? Хорошо, что «Землю Кузнецкую» повторяют утром в понедельник. Встал сегодня в семь часов (передача в полвосьмого).

Всё объяснилось просто: стихотворение «Будет тихо и странно» написано Сауловым как бы в продолжение мотивов моего стихотворения «Зори вёсен со мною» (даже размером тем же). Только у него более мрачновато. Тот, кто не знает моей этой вещи, действительно может подумать бог знает что. Я написал Саулову об этом и посоветовал ему вместо посвящения поставить эпиграфом мои строчки.

1968 г., 27 мая

Оказывается, мне поручение: написать для «Комсомольца Кузбасса» некролог (все знают, что Анатолий Саулов был мой подопечный и мне известно о нём больше, чем другим). Я, конечно, согласился это сделать. В моём распоряжении оставалось около двух часов.

...Заставил себя сесть за машинку, и к назначенному времени некролог был готов (полторы страницы). Назавтра газета дала его с портретом за подписью обкома ВЛКСМ, отделения СП и редакции «Комс. Кузбасса». Написалось хорошо – с душой и болью.

Умер Толя скоропостижно. Шёл, говорят, на работу, стало ему что-то плохо (почернел весь), прислонился к забору. Вызвали скорую помощь, но помочь уже ничем не смогли – в больнице он скончался. То ли разрыв сердца, то ли кровоизлияние.

1968 г., 11 июня

Вчера смотрел по телевидению передачу, посвящённую памяти Толи Саулова. Молодцы, хорошую передачу подготовили. В ней участвовали Естамонова, Женя, Игорь Киселёв, Валентин Махалов, Юречко, Ласкин, Ляхов, девушка-журналистка из Яшкино. Читали его стихи на фоне пейзажей, рассказывали о нём, звучал и его голос, записанный на плёнку. Были снимки – Толя за столом с машинкой, в кругу родных, вдвоём с матерью. Была исполнена песня Игнатьева на слова Толи – о журавлях, пролетающих над Томью, – песня удивительно удачная. Мелодичная, с грустинкой. Здесь Игнатьев превзошёл самого себя. Я бы слушал эту песню час и два. Валентин прочитал своё стихотворение – тоже неплохое впечатление. Женя читал самое печальное, то, что Анатолий посвятил мне (речь идёт о стихотворении «Будет тихо и странно / Угасание дня, / Будут зори и травы, / Но уже – без меня...», навеянном небогатовским «Зори вёсен со мною...». – *Н. И.*). *Передача эта очень взволновала меня. То ли потому, что Саулова уже нет, то ли потому, что к живым мы менее внимательны, но стихи его воспринимались как-то по-новому. Правильно я сказал о нём в рецензии на «Землянику», что поэт он – настоящий. Сейчас это ещё ясней (были прочитаны и новые стихи, которых я ещё не видел).*

Михаил Небогатов написал прекрасное стихотворение, под которым мог бы подписаться любой поэт

(да его, Анатолия Саулова, собственно, все так и звали – «жаворонком кузбасской поэзии»):

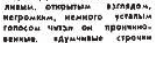
ЖАВОРОНОК

Памяти Анатолия Саулова

С голубыми ясными глазами,
С волосами светлыми, как лён,
Он недолго побыл вместе с нами,
В жизнь, в людей, в поэзию влюблён...
С малолетства увлечён был страстью
К звучным рифмам, чья всесильна власть...
На беду, наверно, а не к счастью
Достаётся людям эта страсть.
Не искал он славы и почёта,
Воспевая солнце, россыпь рос.
В нём самом, казалось, было что-то
От российских пашен и берёз.
Над рекой, где пениться воронкам,
У опушки, на лесной меже
Так мечтал он: «Быть бы жаворонком!».
И не знал, что им он был уже.
Чьи-то строчки, вскинув подбородок,
Повторял на память, как свои,
Весь светясь от образов-находок,
Говорил про многих: «Соловьи!..»,
Не берёг себя, как всякий русский,
Был у бурь житейских на виду,
И, устав, не выдержав нагрузки,
Разорвалось сердце на ходу...
Молодой, он молодым оставил
Птицу-песню, нежную до слёз.
Сам ушёл. Как будто бы растаял
Где-то там, во ржи среди берёз.
И напрасно в душном жарком хлебе
Ищем взглядом друга своего.
Тишь. Покой. Лишь жаворонок в небе
Всё звенит нам голосом его...

1968
«Свет в окне». 1969 г.

Текст некролога, написанный Небогатовым *(Комсомолец Кузбасса. 1968. 23 мая)*.



ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ САУЛОВА

У него, двадцативосьмилетнего, все было впереди — большая, наполненная вдохновенным трудом жизнь, смелые поэтические открытия, новые книги стихов. Но все это безжалостно перечеркнула безвременная смерть.

Совсем недавно мы видели его на голубом экране, молодой, русоволосым, с приветливым, открытым взглядом, негромким, немного усталым голосом читал он проникновенные, вдумчивые строчки только что рожденных стихов о ветеранах Великой Отечественной войны и о своих сверстниках, достойно и мужественно несущих в будущее эстафету отцов. Кто мы мог подумать, что в последний раз слышим мы его живой голос, в последний раз видим его простое русское лицо.

Его биография умещается буквально в несколько строк.

Анатолий Петрович Саулов родился в 1942 году в Кузбассе, в 1964 году окончил Томский политехнический институт, работал редактором на Кемеровской студии телевидения, был постоянным автором «Комсомольца Кузбасса», а в последнее время — корреспондентом газеты «Путь Ленина». Его стихи печатались в Кемерово и Томске, в журнале «Сибирские огни», в коллективных сборниках. В 1966 году Западно-Сибирское книжное издательство в поэтической серии выпустило небольшую книжицу Анатолия Саулова «Белые пятна», а через год в Кемерове вышла его первая самостоятельная книжка «Зимняя».

Анатолий Саулов был по-настоящему талантливым поэтом — поэтом комсомольцем. Его стихи получили высокую оценку на Кемеровском семинаре молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Мы помним, что сказал о нем один из руководителей семинара, большой мастер слова Ярослав Смеляков: «Интересный, просто интересный поэт». Эта похвала не вскружила голову молодому поэту, она открыла ему его, внушила веру в свои силы. С еще большим упорством, настойчивостью и требовательностью к себе продолжал он писать стихи о России, о родной Кузнецкой земле, о ее людях и природе.

Особенно плодотворно работал Анатолий Саулов в последние время — он оставил нам поэму о герое космоса В. М. Комарове и несколько десятков новых стихотворений. Хочется надеяться, что эта рукопись в недалеком будущем станет книгой — последним подарком молодого, безвременно ушедшего от нас поэта русской земли.

Горько сознавать, что мы никогда мы не встретимся с этим общительным, симпатичным человеком, самозабвенно влюбленным в поэзию, в жизнь, в людей.

Поэты умирают, поэзия остается. Прощай, наш дорогой друг и собрат по перу! Ты ушел от нас как человек, но поэт еще долго будешь жить — в памяти всех, что тебя знал и любил, в тех стихах, которые ты успел написать за свою недолгую, звучащую песнями жизнь.

КЕМЕРОВСКИЙ ОБКОМ ВЛКСМ
КЕМЕРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЕЦ КУЗБАССА»

ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ ШУКШИН

(25.07.1929 – 02.10.1974)

Был в жизни Михаила Небогатова и счастливый случай знакомства, пусть и заочного, с писателем, актёром, режиссёром, «соседом» из Алтайского края, практически земляком Василием Шукшиным. В государственном архиве Кемеровской области есть единственное рукописное (!) письмо Шукшина к Небогатову. Впрочем, историю этого знакомства и обоюдной симпатии двух писателей лучше изложить словами самого Михаила Александровича.

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

Это было летом 1966 года. Не помню уж точно, по какому поводу – то ли после просмотра какого-то фильма, то ли прочитав один из рассказов В. М. Шукшина, я написал ему взволнованное письмо, в котором выразил искренне восхищение его многосторонним талантом и заодно попросил прислать мне какую-нибудь свою книгу с автографом. Вскоре я получил от него такое ответное письмо:

Здравствуйте, Михаил! Спасибо! Весьма окрыляющая это штука – доброе слово земляка. Порой делаешь – и одолевает сомнение: попадётся, думаешь, на глаза земляку-коллеге, и он скажет: «Какого ты там...». Ещё раз спасибо! Книжек-то у меня, Михаил, маловато – две. И тех – тут надо поверить – нету: раздал все... теперь нету. Будет, пришлю обязательно.

Задумал я, Михаил, одно большущее дело – СЛОВАРЬ (разговорный) СИБИРСКИЙ. Чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно-давно пора открыть и выгрести всё добро и раздать. А насколько мне известно, никто не пробовал это сделать! По-моему, пора! Не вам мне рассказывать, как говорят наши люди. Помогите! Много уже сделано, но одному это не под силу. Не будет времени у самого, может, найдутся люди – дайте адрес мой. 5–10 слов – и то слава богу! Вы ж сосед мой – кемеровский. До свидания. Пишите в любом случае.

Шукшин.
3 августа 1966 г.

Об этом замечательном, истинно народном художнике сейчас очень много пишут. Однако ни в одной публикации мне не приходилось встречать упоминания об этом, одном из многих, замысле Василия Макаровича: создать сибирский разговорный словарь. Поэтому я и счёл необходимым привести данное письмо. Оно – наглядное свидетельство неиссякаемой творческой энергии на редкость самобытнейшей человеческой личности В. М. Шукшина, которого за непродолжительное время его работы в искусстве и литературе успели полюбить миллионы людей. Горько сознавать, что не сыграна им до конца роль солдата Лопахина в фильме

«Они сражались за Родину», что не увидим мы фильма «Степан Разин», в заглавной роли в котором собирался выступить сам создатель этого фильма – Шукшин, что не прочтём задуманный им капитальный труд – сибирский разговорный словарь... Многое, очень многое, что могло бы стать драгоценным духовным богатством нашего народа, оборвала внезапная смерть.

После ухода из жизни А. Т. Твардовского и М. В. Исаковского кончина В. М. Шукшина лично для меня – самая тяжёлая потеря. Я всё время испытывал неодолимое желание сказать своё слово об этом бесконечно дорогом для меня человеке, и, наконец, всё, что накопилось в душе и сердце, как-то само собой вылилось в стихотворение «Сокровенное слово», которое, хотелось бы надеяться, не оставит равнодушными и читателей.

Он умер, играя солдата,
От дома вдали, на Дону.
Ушёл. И не будет возврата.
Как вправду ушёл на войну...
Похож на алтайца обличьем –
Скуласт и немного раскос,
Он внутренним скромным величьем
Был русский до корня волос.
В свою золотую жар-птицу
Он верил – надежда была,
За тем и приехал в столицу
Простой паренёк из села.
Не думал стоять у подножий
Высоких и славных имён –
Он верил, что милостью божьей
И сам кое в чём наделён.
А вера – всей жизни основа.
Он ждал, караулил свой миг,
Когда сокровенное слово
Вдруг скажет не хуже других.
Для снобов был парень-рубаха,
И вот ни с того, ни с сего –
Такой глубины и размаха
Явились работы его!
А шаг этот вовсе не странный,
Всё было оправдано в нём:
Раскрылся талант многогранный
Во всём своём блеске живом.
Придя от земли, от народа,
Искал он не то, чем берёт
Крикливо-хвастливая мода,
А то, чем живёт наш народ.
Он верен был жизненной правде,
В ней видел всего идеал.
Какой-нибудь Насте и Клавде
Земной свой поклон отдавал.
Такая душевная слитность
С народом – любого спроси, –
Такая во всём самобытность –
Великая радость Руси...
Да будет он жить, как создатель
Творений, достойных вершин,
Актёр, постановщик, писатель
Василий Макарыч Шукшин.

Кузбасс. 1975. 29 января

Занимаясь в архиве с небогатовским творческим наследием, я нашла ещё одно стихотворное посвящение Шукшину, которое хотела бы предложить вниманию читателей:

В. М. ШУКШИНУ

В «Калине красной» – сострадание
К судьбе, что нету тяжелей,
В «Степане Разине» – воззвание:
Для воли жизни не жалей!
И над безвременной могилою –
Не скорби лживой торжество,
А сильные особой силою
Родные «чудики» его.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ВОРОШИЛОВ
(писатель, ослепший в одном из воздушных боёв, когда был сбит его самолёт)
(14.02.1919 – 04.03.1982)

В. С. ВОРОШИЛОВУ

...И вспыхнул вдруг подбитый самолёт.
А лётчик – молодой, совсем мальчишка...
С тех пор и дни, и ночи напролёт
Перед глазами – ночь и эта вспышка.

Но для души не кончился полёт.
Ей незнакома старости одышка.
Летит она, других зовёт вперёд,
И не нужна ей даже передышка.

В страницы книг он льёт душевный свет:
Там солнце, жизнь, сиянье глаз ребячьих,
Там жар любви, огонь больших побед,
И счастья смех, и горечь слёз горячих...

И многие идут за ним вослед:
Он сердцем видит больше многих зрячих!

Немалое место в большом и добром сердце поэта занимали издатели и журналисты. И все потери он воспринимал как потери очень близких ему, почти родных людей.

ЮРИЙ ТИТОВ
(журналист, в 1960-е гг. – замредактора газеты «Комсомолец Кузбасса»)
(ок. 1930 – 1965)

10 декабря 1965 года.
Потрясающая новость: умер Юрий Титов.

...Включил газ и отравился. Просто не верится. Молодой (35 лет), здоровяк – и вот как не было его. Вчера схоронили...

ПАМЯТИ ЮРИЯ ТИТОВА

Не спрашивает смерть, когда прийти,
Подкрадываясь тихими шагами,
Уводит человека с полпути
С желаньями, надеждами, мечтами.

Ещё он мог бы сделать столько дел,
Которых – непочатый край на свете.
Ещё любил он, верил, ждал, хотел,
Как говорится, был ещё в расцвете...

Нет, приходить бы смерти лишь тогда,
Когда от жизни ты уже устанешь,
Когда негоден больше для труда,
Не знаешь утром, для чего ты встанешь;

Когда любви, стремлений больше нет,
Не радуют ни люди, ни природа,
Когда не мил тебе весь белый свет,
Как нудная осенняя погода, –

Никто бы смерть тогда не проклинал,
Никто бы плача горького не слышал,
Как будто человек «прощай!» сказал,
Дверь распахнул и в ночь спокойно вышел...

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ БАЛАНДИН
(журналист, фронтовик, скончался в 1974 году)

Ю. Д. Баландин – журналист, с которым Небогатова свела судьба во время работы в редакции газеты «Кузбасс». В бытность Баландина заместителем редактора стихи Михаила Небогатова печатались довольно часто. Не раз приходилось ему слышать одобрительные слова Юрия в свой адрес, а иногда и то, что «это лучшее из написанного тобой в последнее время». Как, например, в случае, когда Небогатов написал стихотворение памяти 19-летней бортпроводницы Нади Курченко. Коротенькая запись в дневнике от **30 октября 1970 года**: *«Юра Баландин порадовал меня сообщением: на планёрке моё стихотворение «Дочь народа»* (Ошибка в названии: стихотворение называется «Дочь Родины». – *Н. И.*) *было признано лучшим материалом номера, достойным красоваться на Доске почёта. Это редкий случай высокой оценки стихов».*

Чтобы убедиться в объективности столь высокой оценки, надо, думается, это стихотворение прочитать:

ДОЧЬ РОДИНЫ

Посвящается отважной
бортпроводнице Наде Курченко

Надя, милая Надя,
Перед тем, как упасть,
Что ты думала, глядя
В пистолетную пасть?
Говорят, на пороге,
За которым – беда,
Весь свой путь, все дороги
Видят люди всегда...
Может, вспомнилась стая
Грустных птиц-журавлей
Над горами Алтая,
Над простором полей...
Горький дух чернобылья...
Детство с первой мечтой:
«Мне бы вольные крылья
Ощутить за спиной!»
Детство, жизни частица,
Ты ушло, не зови...
Юность в сердце стучится
Счастьем первой любви.
При любой непогоде
Полон мир красоты...
Может, встречи с Володей
Вдруг припомнила ты.
Он тревожит всю душу,
Часто снится во сне...
«Дорогая Надюша!
Всех дороже ты мне!»
Музыкальных мелодий
Отголосок в душе...
Далеко он, Володя,
Не поможет уже...
Надя, милая Надя,
Перед тем, как упасть,
Что ты думала, глядя
В пистолетную пасть?
Может, строчки поэта
Подвели здесь черту –
Про товарища Нетте,
Что погиб на посту...
И, конечно же, с болью,
Оборвавшей мечты,
С самой нежной любовью
Маму вспомнила ты...
Нет, не Надей – Надеждой
Ты была для людей –
Настоящей надеждой
Слабых женщин, детей.
И презренья не спрятав:
«Не пущу, не пройти!» –
У воздушных пиратов
Встала ты на пути.

Две паршивых душонки –
И большая душа.
Пусть стреляют, подонки,
Злое дело верша!..
Скоро времени замять
Занесёт их следы.
А тебе – наша память,
И любовь, и цветы.

Кузбасс. 1970. 22 октября

(19-летняя комсомолка-бортпроводница вступила в единоборство с воздушными пиратами, напавшими на экипаж советского самолёта, и погибла от их рук.)

И в быту Небогатовы и Баландины дружили, как говорится, семьями. Часто, собравшись за столом, все с удовольствием слушали, как поёт Юрий. У него был приятный бархатный баритон.

О том, что с Юрием Дмитриевичем Небогатова связывали крепкие дружеские и доверительные отношения, говорит, например, такой факт: вначале свой венок сонетов «Золотая осень» он писал к собственному полувековому юбилею как некий отчёт о жизни и «проделанной работе», а в сборнике «Спасибо сентябрю» 1972 года появляется посвящение: «Юрию Баландину, фронтовику, журналисту». В какой-то мере с потерей друга Михаил Небогатов потерял крепкую опору и защиту.

ПАМЯТИ ЮРИЯ БАЛАНДИНА

Он Родине служил не на авось,
Терпеть не мог обмана, показухи.
Всё то, что делал, было в должном духе,
Всё, как у коммунистов повелось.
И не одно писание моё
Прошло, как через точную примерку,
Через его партийную проверку,
Через его партийное чутьё.

1974

ПАМЯТИ ДРУГА-ЖУРНАЛИСТА

Год уже, как нет тебя на свете,
Год во мне – ударом ножевым.
Часто – и сейчас, в минуты эти –
Говорю с тобою, как с живым.
Будто не алеют гроздья ягод
Над твоей могилкою в цветах.
Будто ты уехал, скрылся на год
И вернёшься в город свой на днях...
Если бы разлуки сбросить бремя,
Сразу б ты спросил наверняка:
«Как жилось, что делал это время,
Не валял, случайно, дурака?».
Я давно привык с тобой считаться.
Сам не раз прикидывал, поверь:
Чем бы мог я за год отчитаться,
Если б снова встретились теперь?
Рассказал бы очень откровенно,
Чем красно житьё моё бытьё,
Зная, что услышу непременно
Умное суждение твоё.
Кое-что я сделал в дни разлуки.
Даром не растрачивал свой пыл.
Не сидел, сложа от скуки руки.
Ты ведь работящих так любил!
Может статься – было это чаще, –
Пробежав глазами строчки все,
Что-то ты одобрил бы: «Блестяще.
Подходяще к первой полосе.
А вот это, – не сдержал бы вздоха, –
Надо вытанцовывать ещё...»
О плохом ты прямо резал: «Плохо».
О хорошем: «Мило. Хорошо...»
Облако вдали зашло за крышу –
Как твоя седая голова...
От кого сегодня я услышу
Честные, правдивые слова?..

1975

50-летие газеты «Кузбасс» (первый ряд): О. Павловский, А. Морозов, Н. Троицкий, Ю. Баландин, А. Волошин

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА КЫКОВА – первого директора Кемеровского книжного издательства

Это он, выступая однажды на телевидении, назвал Михаила Александровича «старейшим поэтом Мишей Небогатовым».

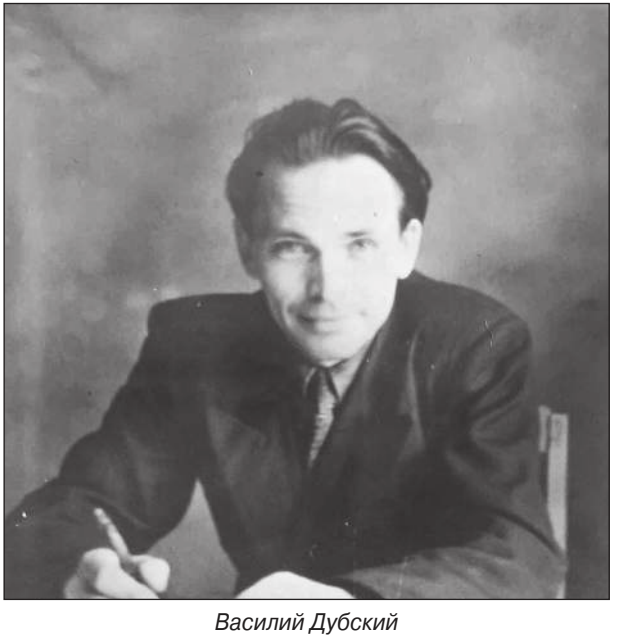
Не могу представить, чтобы кто-то,
Встретясь с ним, его не полюбил.
Доброта, внимательность, забота –
Вот чем он всем дорог был и мил.
Трудно привыкать к таким утратам.
Что ни говори тут, ни пиши –
Был для многих нас он другом, братом,
Человеком редкостной души.
Не согреет больше тёплым взглядом,
Не приветит больше никого...
Но поныне он как будто рядом.
С нами обаятельность его...

Ноябрь – декабрь
*(приписка: «Послал **30 дек. 69 г.***
Елене Николаевне Ярославцевой, жене Ан. Ив.»)

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВИЧ ДУБСКИЙ (журналист, начинающий писатель)

(13.01.1923 – 04.04.1958)

О том, что Василий Дубский – друг Небогатова, я узнала совершенно случайно. В 2011 году, готовя материал к 90-летию отца для публикации в газете «Земляки», я волею случая познакомилась с журналисткой Натальей Милютиной. Она спросила меня: «А знаете ли вы, Нина Михайловна, такого журналиста – Василий Дубский?» И добавила: «Он был другом вашего отца».



Василий Дубский

Я очень удивилась: что-то я такого имени в окружении отца не слышала. Знала о Волошине, Молостнове, Буравлёве и о некоторых других, а это имя мне ни о чём не говорило. Да, наверно, это и нетрудно объяснить: Дубского не стало в 1958 году, когда мне было всего-навсего 12 лет, и я вряд ли интересовалась тогда так уж глубоко, кто кем был для отца. И вряд ли осознавала в том возрасте всю личность и значимость отца (для меня все в редакции были «дядями» и «тётями»: «дядя Саша» – Волошин, «дядя Женя» – Буравлёв, «дядя Юра» – Баландин, «дядя Петя» – Костюков, «тётя Зина» – Волошина).

А Наталья Васильевна оказалась... дочерью этого самого Дубского.

Помог разобраться, так кто же он такой – этот Василий Дубский, опять же случай: Галина Ивановна Карпова, преподаватель КемГУ, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы XX века факультета филологии и журналистики, давала мне для ознакомления старенький номер (№ 12 за 1959 год) альманаха «Огни Кузбасса» со стихотворением Небогатова «Шахтёрская душа» – памяти этого самого молодого его коллеги по газете Дубского. А предваряли стихотворение рассказы Василия Дубского с коротеньким предисловием об их авторе.

Наталья Васильевна написала замечательный очерк о дружбе наших отцов. Радуюсь за неё, что он опубликован теперь и на страницах журнала «Огни Кузбасса» (№ 1 за 2017 год). В журнальном варианте, больше говорится о семье и корнях Натальи Милютиной, что очень важно для любого из нас: знать свою семейную историю, чтобы было что передать нашим детям и внукам.

Дополню очерк фрагментом из неопубликованной рукописи жены, Марии Ивановны Небогатовой:

«В редакции работал талантливый журналист В. Дубский. Умный, красивый, тридцатилетний, он писал хорошие рассказы. Однажды он решил послать несколько рассказов Шолохову с просьбой посмотреть и оценить. Вскоре получил ответ, что автор рассказов, несомненно, одарённый человек. И, казалось бы, перу Василия открылась широкая дорога в литературу. Но однажды, возвращаясь с работы домой, он упал и замёрз. Он был другом нашей семьи. И мы с Михаилом долгие годы не могли смириться с этой нелепой смертью».

ШАХТЁРСКАЯ ДУША

Метель заметала дорогу,
Топила огни фонарей...
Спешил он к родному порогу –
К жене, ребятишкам – скорей!
Вдруг болью всё тело, как током,
Пронзило... Схватился за грудь.
Шагнул, оступился – и боком
Стал падать в свистящую муть...

Рассудок готов согласиться,
А сердце не верит никак,
Не может, не хочет смириться,
Что всё это правда, всё так.
Мне легче поверить в иное:
Войдёт он нежданно живой
И сразу же что-то смешное
Расскажет, тряхнув головой.
Увидев газетный тот номер
С известьем «Ушёл навсегда»,
Прищурится: «Кто это помер?
Что-о? Дубский? Не верь! Ерунда».
Возьмёт из кармана «москвички»
Бумажную трубку тотчас.
На стол – папиросы и спички...
«Послушай-ка новый рассказ!..
Сюжет, как всегда, немудрёный,
Герой, как обычно, – шахтёр...»
Прочтёт и, в героя влюблённый,
Запальчиво ринется в спор:
«Я знаю шахтёрскую душу!
Из жизни узнал, не из книг.
И пусть кой-кого оглоушу –
Такой уж горняцкий язык».
...Немало задумано было,
Да мало он сделать успел.
В чернильнице сохнут чернила,
И стол у окна опустел...

Нет, в сердце живой ты, Василий.
И слышу твой голос: «Не верь!
Как много нам надо усилий,
Чтоб жить после близких потерь...»

Завершу эту подборку памяти ушедших отрывком из стихотворения Михаила Небогатова «Ручейки просёлочных тропинок», в котором – суть бессмертия по-небогатовски:

...Так шагать бы, жить до девяноста.
Но когда-то мы простимся, Русь.
Кончится всё буднично и просто:
Я дождинкой в речке растворюсь.
В день такой же,
В блеске и цветенье –
Жизнь была плоха иль хороша –
От меня бесплотной даже тени
Не увидит ни одна душа...
Равно всё – и человек, и колос.
Мысли о бессмертье – ерунда.
Только и останется твой голос
В строчке –
В скромной веточке труда.

1975

г. Кемерово